

ДМИТРИЙ ГЛАДКИЙ

ДМИТРИЙ ГЛАДКИЙ · СМУГЛЫЙ ДЕНЬ · СТИХИ

Сму́глый
Де́нь

стихи

Дмитрий Гладкий Смуглый день (сборник)

*Текст предоставлен правообладателем
Смуглый день (сборник): Москва; 2013
ISBN 978-5-905693-91-5*

Аннотация

«Смуглый день» – первый поэтический сборник Дмитрия Гладкого, изданный в России. В него вошли стихотворения как из предыдущих публикаций, так и ранее не публиковавшиеся. Издание иллюстрировано.

Содержание

Стихотворения из цикла «Смуглый день»	8
I. «Плыл смуглый день...»	9
II. «Плыл смуглый день...»	10
III. «Плыл смуглый день...»	11
IV. «Плыл смуглый день...»	12
Allegri	13
Когда кончится осень	15
«Не обидь меня, стрекозушка...»	17
«Нынче осень...»	18
«Я прикормил с ладони...»	19
Осенний этюд	20
Поэту	21
День уходит	22
«Я начал книгу...»	23
«Хоть ласкаешь ты губы...»	24
Хронология дня	25
«Когда проглядел приближенье...»	26
«Королева лукавой усмешки...»	28
После долгой разлуки...	29
Светлана	31
Стихотворения из цикла «Подорожник»	32
Забытая деревня	33
Летний дождь на Ладого	35

«Где ласточки склевали...»	36
Родине	37
Молитва	38
Иерусалим	39
Разведу огонь	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дмитрий Гладкий

Смуглый день (сборник)

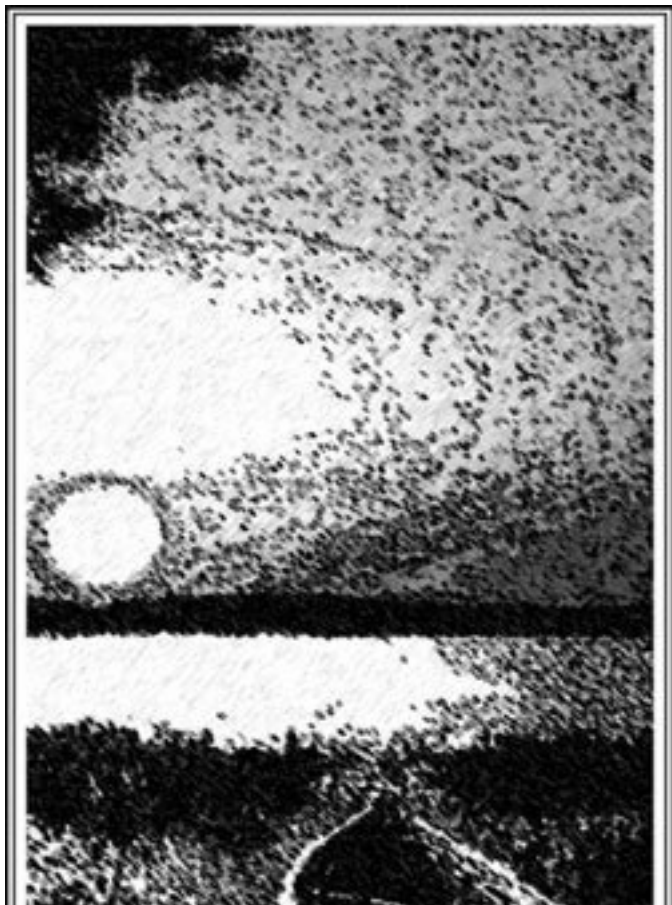
© Дмитрий Гладкий, 2013

* * *

Матери и отцу посвящаю

**Стихотворения из
цикла «Смуглый день»**

I. «Плыл смуглый день...»

Плыл смуглый день, –
Блаженное крыло,
Ещё не резавшее трепетного неба.
Что твой зрачок, цвела его сирень,
Текло с булыжника запревшее тепло,
Как из нутра ржаной буханки хлеба.

Его запомню, пробуя на зуб
Чеканный лик стареющей эпохи, –
Всё это было и пришло довоплотиться,
Как слово – лишь очерчено у губ,
Ещё не молвится, – но в судорожном вдохе
Уже к неотвратимости стремится.

II. «Плыл смуглый день...»

Плыл смуглый день. Он был как негатив.
Хрупка и призрачна была его реальность, –
Как будто время, бег остановив,
Свою осознавало театральность.

На берегу расслабленных небес
Резвился Будда, на татарина похожий,
Под млечных высей вязкий полонез
Верша земной закон один и тот же:

Беспечно звёздами играть – удел мужчин,
А женщинам дано стреножить вечность,
Чтоб янтарём густеющих причин
Скрепить добротю следствий бесконечность.

III. «Плыл смуглый день...»

Плыл смуглый день. Корицы аромат,
Как пьяница, по улицам шатался.
Навылет ласточкой простреленный закат
Аортой обескровленной казался.

О, эта странная способность пустоты
К себе манить и от себя отталкивать,
И размечать грядущего черты,
И забытьё минувшего оплакивать.

А это странное дыхание любви, –
Кому вино, кому венец терновый...
Жизнь узнаваньем смерти назови
И постигай закон её суровый:

Кого ты любишь, тот всего верней
Тебя убьёт из лучших побуждений,
Хоть жизнь и смерть прекрасней всех идей,
Куда как краше всех о них суждений.

IV. «Плыл смуглый день...»

Плыл смуглый день. На стареньком шнурке
Слепая лампочка, как висельник, качалась,
В печной трубе, как муха в кулаке,
Метался ветер, и тогда казалось,
Что истины уходят второпях.
Так – налегке, в цветном, – не по погоде,
Помедлив чуть в распахнутых дверях,
Лишь только женщины любимые уходят.

Allegrì

Я в себе заплутал, заблудился, остался,
теперь бы прижиться.
Беспричинности счастья начал бояться
с рассветом,
но зато смастерил из своих удивлений
воздушного змея, –
пусть послужит балбес на посылках
у звёзд придорожных.

Смаковать пасторальность закатов – вот всё, что я
делать умею,
отмечая ушедшие дни запятыми,
да спасибо уже и на этом...
Мне б ещё молчаливо взростеть
у своих пиджаков научиться
и не помнить о прежних ошибках,
о триумфах не помнить о прошлых.

Всего-то и нажил – боль в висках от душистого
терпкого слова,
от бесплодной работы – примирять,
сочленять имена и явления.
Вот что такое любовь! А вовсе не поиск
сакрального смысла божественной сути,
пути к абсолютной гармонии с миром,

не сострадание...

Простые мечты гедониста,
эти юркие шарики ртути
в пёстрой вышивке бесполезных метафор,
цитат и сравнений,
тёплый храм неуклюжих наитий
и добрых иллюзий основа,
где совсем не нужны, не важны
отношения бытия и сознания!

Забавно: сложнее самого человека
оказался процесс его описания.
Если Господь мне когда-то внимание окажет,
за себя я не стану молить,
я спрошу у него разве только:
сильно ли он раздосадован
и сделал бы всё это заново, зная,
что «образ» его и «подобие»
автопародией выйдет настолько?

Впрочем, важнее этих знаний,
чтобы был кто-то рядом, кто скажет:
«Ты метался во сне и стонал, и звал маму».
И простые любви заклинания
запятую настойчиво просят.

Allegri. Опять запятая.

Когда кончится осень

Наталье Гладкой

Охапку опавших листьев –
Жёлтых, красных и палевых
Ты приносишь в горсти.

И не нужно грустить,
Если кончится жизнь,
Но что будем с тобою носить,
Когда кончится осень?

Мы тогда её вместе попросим...
Скажем так: – Госпожа,
Твоего удалого пошива
Нам нужны кружевные одежды.
Они в жанре ушедшей эпохи!
Мы совсем не хотим рубежа,
И хоть жизнь по сути паршива,
Мы так любим те жалкие крохи,
Что клюём из карманов надежды!

Скажем так: – Нам идут твои павшие листья,
И неважно совсем, что из них мы сошьём, –
Мы в мольберте твоём как засохшие кисти –
Даже памятью красок умерших живём.

«Не обидь меня, стрекозушка...»

Не обидь меня, стрекозушка, Психея.
Не забрось... Кто как не я
твоим песенкам гнезда совьёт из шалфея
да мяты, да чёрной полыни?!

Не забудь меня, вдовушка, синица.
Разлюби, да не забывай –
сбросят эльфы на зиму крылышки –
соберу тебе урожай.

Одурачь меня, слово медовое,
схорони под кленовым листом, но оставь
всем, кого я любил неусердно,
мои крылья, вкус ветра, запах полыни...

«Нынче осень...»

Нынче осень так вальяжна,
Будто нету ей конца!
Клёнов ржавые плюмажи
Всё мелькают у лица.

И смущённую улыбку
Прячет юный век в глазах,
Новой правды воздух зыбкий
Поглощая второпях.

Звёзд колючих бормотанье,
И под ними – как в бреду –
На заветное свиданье
Я опять во сне иду...

Я встречаюсь сам с собою –
Разминуться тороплюсь.
То ли время нынче злое,
То ли сам себя боюсь.

То ли жизнь поторопилась
Написать такой сюжет,
Где играет божья милость,
А меня в той пьесе нет.

«Я прикормил с ладони...»

Я прикормил с ладони эту осень.
В её зрачке не страшно утонуть,
Но плещется пока на мачтах сосен,
Мой парус обветшалый, Млечный путь.

Хоть и живу пугливыми словами,
Не верю женщинам, газетам и врачам,
На ощупь мыслю, пью вино с врагами,
Но тайну смысла придаю вещам!

Зубрю «не быть» лукавую науку, –
Дилемма Гамлета мне кажется смешной:
Из рабства лени прорастут от скуки
И счастье ремесла, и мудрости покой.

Век прохожу у жизни в недомерках, –
За радость скромную туманно говорить
Овеществленья липкая поверка
Меня заставит по счетам платить.

И пусть я пасынок общественного блуда,
Щенячьей радостью душа моя горда:
Что не способна сноровисто, как Иуда,
Чужой судьбой обогатиться без труда.

Осенний этюд

Сегодня воздух был прозрачнее алмаза:
Густеть не торопился он, покуда
Художница, подросток большеглазый
В осеннем парке сокрушалась над этюдом.

Там дворник брёл с лицом Хемингуэя,
Метлой неспешно разгребая листья.
Он был чужим на этой акварели,
И потому не поддавался кисти.

А тут – американцы из посольства –
Галдящей стайкой двигались с обеда.
Их вздорный щебет и самодовольство
Так вовсе отвлекали от сюжета.

А поравнявшись с дворником усталым,
Они оглядывались после удивлённо,
И к мнению пришли, что этот малый
Кого-то им напомнил отдалённо.

Поэту

О, как ты беден в тщетности своей
словами передать витийство цвета:
глазастый изумруд шального лета
и золота расплав перед рассветом,
и охру скромную веснушчатых полей.
Останься верным бедности своей!

Повадки сводницы любви в своей судьбе:
она сведёт тебя с вечернею звездою,
с надеждой, ключевой водою,
с листом кленовым, счастьем и бедою,
чтоб обернулось всё пережитое
глазами детскими пытливыми к тебе...
Характер сводницы ты чти в своей судьбе.

Да будет как земля душа твоя проста,
что неповинна в зле и в благодати,
но всякий раз становится крылатой
любою лептой, равно как утратой.
Так птица пред землёй не виновата,
что ей протягивают руки небеса.

День уходит

Мельтешеньем занавесок, суматохой звуков
день уходит как довесок утренних окурков.
Будет завтра. Подмигнувши глазиком мускатным,
день со мною бить баклуши станет виновато.

Маленький, но гордый, глупенький, но смелый,
я поля его кроссвордов разгадать сумел бы.
Мельтешеньем занавесок, суматохой звуков
День уходит в арабесках трепетных рисунков.

Кем я только не был за любви краюшку,
Да за каплю неба... Впрочем, всё – баклушки.
День уходит в суматохе, в славной кутерьме.
И куда мне, крохе? Что ему ко мне?..

«Я начал книгу...»

Я начал книгу жизнь тому назад,
И вот уже пора поставить точку,
И скорым поездом к концу подходит строчка,
И вот уж отправление гудят.

Я эту станцию покину навсегда,
Чтобы вовек сюда не возвращаться, –
С самим собой чтоб вдруг не повстречаться,
Да повидать иные города.

А кто сюда приедет в первый раз,
Где, что, да как – не спрашивайте совета.
Вопросы ваши, – ваши и ответы.
А я уехал. Вот и весь рассказ.

«Хоть ласкаешь ты губы...»

Владимиру Хохлову

Хоть ласкаешь ты губы звуками,
Не гнушайся подёнщины, друг.
Окружен ты лихими пичугами
И обласкан святыми пьянчугами,
Ко двору – не к добру без заслуг?
Без заслуг, без хлопот, без башки
Мы любимых могли хоронить,
Потому как иные божки
Звали нас на свои большаки.
А и надо ли было спешить?..
Собери своих песенок взвод,
Угости их, чем в доме найдёшь, –
Хлебом ли, старым пасхальным яйцом...
Ты себя не убьёшь. И меня не убьёшь.
Просто выпьем – и дело с концом.

Хронология дня

- 7.15. Просыпаюсь. Душ. Одеваться.
- 7.45. Кофе. Позавтракать не успею опять.
- 8.06. В троллейбус не влезть.
- 8.12. Удаётся прорваться.
- 9.00. Уже потянуло с работы домой.
- 10.30. Может, с утра напиток?
- 11.40. Перерыв на обед уже скоро.
- 12.05. Кружку пива или сто водки взять?
- 13.30. Шеф уехал – планёрка не состоится.
- 14.27. В работе нет смысла совсем.
- 15.15. Еду с друзьями встречаться.
- 17.09. Кажется, нет уже денег.
- 17.22. Начинает болеть голова.
- 17.36. А всё-таки деньги есть!
- 22.38. Как откажешь, если женщина просит!
- 23.20. Пора одеваться.
- 23.43. Задремал в такси.
- 24.30. Завтра – не хуже. Всё повторится.

«Когда проглядел приближенье...»

Когда проглядел приближенье таинственной ночи,
я листом был пожалован каштановым, ржавым
с плеча припозднившейся осени, баловницы,
глазастой шалуньи.

Я платил ей оброки – кабальную жатву из строчек,
а душа проплывала в пространствах
весёлых, державных,
но всегда возвращалась.

Стыдливо-покойной, усталой гетерой,
охрипшей певуньей.

И вся жизнь казалась нелепицей вздорной,
словно лыжи в прихожей у вешалки летом.
Но шаманил сверчок за стеной, за звездой, –
виртуоз просторечья,
и куражился ветер в щелях
над судьбой беспризорной –
а всё это и было, по сути, советом.

И стало ответом: что за слово, с которого
всё начиналось,
почему оно стало предтечей.

Это вечнозелёное слово – порука любви круговая –
колобродит оно, паруса раздувает,
наполняет мехи, над лозою щебечет
и смерть отмечает зелёным венцом просветленья.
Чтоб доверился камень зерну.

Позвонками упруго играя,
чтоб душа осеняла крылами просторы стиха,
и, пытаясь себя к небесам приспособить,
у звезды карглазой училась терпенью.

«Королева лукавой усмешки...»

Анне И.

Королева лукавой усмешки,
Ты меня полюбить не смогла.
Не гулять нам уж больше неспешно
Вдоль эмалевой глади пруда.

И людская молва не осудит
Неуклюжего беса в ребре,
И никто головы не остудит,
Одинокой в своём серебре.

Я забуду тебя, безусловно.
Лишь украдкой вздохну об одном:
Жаль, что будешь совсем не виновна
Ты в игрушечном счастье моём.

После долгой разлуки...

Ксении М.

Нет, не словами – зеленью травы
хотел было писать твои портреты,
но не хватило рук и головы.
Ни слов, ни красок, понимаешь, нет на это!

Тебе бы разыскать самой
Палитру, краски, кисти, крошку неба –
Вот, девочка, когда б пошли холсты
как юные и неумелые солдаты!

А я, ленивым голубем, чураться
вдруг начал общности с рассудком,
всё гадая, – что ж в тебе зачато.

Но, впрочем, ведь любил тебя!
И разве виновата,
была ты, что могла так воровато
плести мечты, лепить свои скульптуры...

Да, я забыл упомянуть,
что в залежах своей макулатуры
я воцарил твоё шальное имя,
и на губах обветренных катал

как камушек морской: «к» – «с» – и после – «я».

Как сам? Да так... Шаманю понемногу,
и жить хочу, и умереть, – ей-богу –
тут тоже постоянства нет,
как нет его ни в чём – ни в песнях,
ни в дорогах, ни в любви, ни даже
в тех мечтах, от коих я отрёкся.
Сегодня день-деньской промучился обманом.
Но знаю наперёд, что этот мир облёкся
благословением божьим, как дурманом,

как будто мы горящую путевку
в минувшее купили на двоих...

Светлана

Я помню: «...И укусит за бочок», –
ребёнка за полночь баюкает Светлана,
а на ребре гранёного стакана
свет ночника причудливо дрожит.

Я помню дом: в ночи окно не спит,
в ночи Светлана колыбель качает
и нимбом рук своих оберегает
Вселенную размером с кулачок.

**Стихотворения из
цикла «Подорожник»**

Забытая деревня

От электрички – с километр;
С подножки спрыгнув на ходу,
Межой, заросшей бересклетом,
Я до околицы дойду.

Там спит берёза одиноко,
Как бы стеснённая корсажем,
Гвоздём воткнув хромую ногу
В горизонтальность пейзажа.

И перевёрнутою кружкой
В репейника седой кайме
Незавершённая церквушка
Стоит без шапки на холме.

Как недочитанные книги
Дома заброшенные ждут,
Но лишь святых забытых лики
Там словно призраки живут.

Я постою на перекрёстке
Двух улиц – Мира и Труда,
Одна из них ведёт к погосту,
Другая – вовсе в никуда.

Но прыснет вдруг из-под калитки
Как туз из шулерской руки
Щенок в отчаянной попытке
Мои прикончить башмаки.

Он здесь царит, чтоб ежечасно
Верней теорий и идей
Напоминать, что жизнь прекрасна
И сущее бессмертно в ней.

Летний дождь на Ладоге

...Будто кто-то в хрустале
Чай мешает ложечкой –
Застучали по воде
Быстрых капель ноженьки.

Сыпет летняя гроза
Капли по щепотке,
Щурит Ладога глаза
Словно от щекотки.

Как пастух на водопой
С утренней прохладой
Дождь уводит за собой
Волн-барашков стадо.

Убегая, он ещё
Что-то шепчет Ладоге,
Бросив солнцу на плечо
Полотенце радуги.

«Где ласточки склевали...»

Где ласточки склевали май зелёный,
Там в осень, в тишину стрекозых снов
Созвездья выпадают красных клёнов
И блекнут радуги застенчивых цветов.

День говорком грудным пронзён навывлет,
И спорит с камнем чистотой своей
Протяжный взмах отяжелевших крыльев
Приколотых к закату журавлей.

Как синевой витийствует природа!
Струит неспешно на полях холсты
Из голубого глаза небосвода
Всю мудрость лаконичной простоты.

Родине

Я не мечтаю о спортивном «Мерседесе»,
Мне за грехи отведена работа –
Играть в мимансе бесконечной пьесы,
Поставленной почётным идиотом.
А так хотел жить с пользой для народа!
Да он повадками давно уже не тот –
Вмиг из моей залапанной свободы
Для огорода пугало набьёт.
Он в мачехи себе призвал волчицу,
Что выкормила римских близнецов,
К ней тщетно льнёт и силится напиться
Из бронзовых пустых её сосцов.
Но я не первый горькое коварство
Смиренно и безропотно приемлю:
Пусть кто-то лучший любит государство,
А мне любить оставьте эту землю,
Что красками полей затейливо-воздушна
И так легка, как детская ладонь, –
В ней ягод гроздь и свежая горбушка,
Она трепещет, лишь её затронь.
Где в старых Кодрах в пригоршне холмов
Как яблоко, укутанное в стружку,
Вздыхает в дрёме и не видит снов
Заброшенная белая церквушка.

Молитва

Пусть Господь подопрёт мне висок
черенком виноградным,
когда захочу я губами припасть к облакам,
к источнику чистого слова...

Или нет, пускай лучше матушка
утешит меня и обнимет.
Тогда я пойму, что всё ещё здесь.
Тогда вспомню всех, кого я любил...

Иерусалим

Кто ещё может помнить о прошлом там,
где земля, не скованная правилами формы,
не знавшая науки размеров,
была простым словом?

Где всё таяло вечером во вселенском бульоне,
чтобы утром вновь обретать контуры и весомость,
уповая на везенье, да на замысловатость творенья.

Где ржавчина невзгод откалывалась
осколками кремня, открытыми в борозде.

Так основательно и деловито,
что даже эти холмы скорби
казались пригодными для жизни.

Слишком непостижимая простота,
чтобы быть игрою случая,
блестящая таким светом,
что, взглядываясь в неё всё глубже,
ты начинаешь падать вверх, к облакам.

Разведу огонь

Испуганные ветки по ночам
Стучат в окно застенчиво и робко.
Чернила – прочь! В июнь недужный
нынче окунаюсь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.